

В. П. ЛУКЬЯНИН,
*писатель, литературный критик, сопредседатель
Союза российских писателей, кандидат философских наук,
Заслуженный работник культуры РФ (Екатеринбург)*

ПУТЬ К ИСТИНЕ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ НАУКИ И ИСКУССТВА

В мае 1959 года ученый-физик, популярный по сей день романист Ч. П. Сноу выступил в Кембриджском университете с лекцией «Две культуры и научная революция». Эта лекция, переработанная автором впоследствии в отдельную брошюру (*Сноу Ч. П. Две культуры. М., 1973*), спровоцировала дискуссию, в которую оказались втянутыми интеллектуалы многих стран, в том числе и Советского Союза.

С годами дискуссия выдохлась, хотя и не привела к каким-то общепризнанным выводам, но тема ее и по сей день остается актуальной. В подтверждение сошлюсь хотя бы

на одно прошлогоднее выступление на Лихачевских чтениях: «Проблема “двух культур” (естественно-научной и гуманитарной) — возможно, одна из центральных проблем наших дней»¹. Значимость этой проблемы разными авторами трактуется по-разному, но любой вариант основывается на интуитивном понимании того обстоятельства, что разделение культурного процесса на два все менее зависящих друг от друга потока сродни разлаженности в душевной организации индивида,

---

¹ *Забелина Н. Н.* К вопросу о единстве естественно-научной и гуманитарной культур: от теории к практике // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. СПб., 2006. С. 100.

которая, как известно, признается тяжелым психическим заболеванием.

Отчасти, возможно, упомянутая дискуссия, но, вероятнее всего, — просто ощущение социально-психологического дискомфорта вследствие противостояния «двух культур» время от времени побуждало представителей обеих культур искать пути сближения. В этом плане можно напомнить, к примеру, взрыв читательского интереса (увы, непродолжительный) к так называемой научно-художественной прозе, опыты применения количественных методов анализа к художественным текстам, попытки включения естественно-научных курсов в программы гуманитарных факультетов и гуманитаризации естественно-научного образования. К сожалению, после «Неизбежности странного мира» Даниила Данина (1961) так и не появлялось больше книг, которые позволили бы предполагать у этой ветви литературы сколько-нибудь значительное будущее. Количественные методы в конце концов обернулись внедрением в школах компьютерного экзамена по литературе (ЕГЭ), а неуклонное вытеснение из школьных программ «бесполезной» литературы «полезными» математикой и физикой однозначно демонстрирует, как сегодняшние чиновники от образования понимают соотношение «двух культур». И если Ч. П. Сноу делал акцент на моральных издержках этой коллизии, то сегодня уже есть основания говорить о серьезных социальных последствиях «технократического оскопления» общественного сознания, и мы начинаем их все более болезненно ощущать.

Я не тешу себя иллюзиями, будто разделившиеся даже не полвека назад, а несколькими столетиями ранее два культурных потока могут когда-либо снова соединиться. Я даже не думаю, что такое соединение принесло бы обществу пользу. Пафос моего выступления заключается в том, что решение проблемы значительно приблизилось бы, если бы мы все отчетливее поняли, почему в духовном обиходе человечества издавна сосуществуют рядом и наука, и искусство, какие функции они выполняют порознь и как эти функции связаны между собой.

Хочу для начала обратить внимание на то, что при всей разделенности научного и художественного мышления общность некой их первоосновы ощущалась во все времена и не подлежит сомнению. С одной стороны, успех художественно-образного воспроизведения мира напрямую зависит, если воспользоваться выражением Яна Парандовского, от «умственной культуры» авторов. «Все выдающиеся поэты обладают основательной ум-

ственной культурой... — утверждает замечательный польский прозаик и эссеист, опирающийся в своих рассуждениях на огромный историко-литературный материал. — Это только среди литературных однодневок без всякого будущего встречаются пустоголовые экземпляры». И дальше: «Автор романа собирает свой материал, как ученый. В зависимости от темы он изучает историю, археологию, медицину или сельское хозяйство, наблюдает и фиксирует особенности быта, прислушивается к разнице в наречиях...»²

С другой стороны, представители самых строгих естественно-научных дисциплин постоянно и широко используют эстетическую «апробацию» истины. «Когда у математики или физика возникает изящное построение, — пишет академик А. Б. Мигдал, — оно почти всегда либо решает поставленную задачу, либо будет использовано для каких-то других, будущих задач»³.

Хочу обратить внимание также на то, что «две культуры», развиваясь как будто независимо друг от друга и даже, по наблюдению Ч. П. Сноу, в разных темпах, тем не менее практически одновременно переживают и моменты подъема, и моменты спада.

Не имея возможности сколько-нибудь подробно обосновать здесь этот тезис, замечу хотя бы, как замечательно совпали по времени прорывы наших ученых в широком спектре физико-математических наук в 1950–1960-е годы с появлением в то же время целой плеяды ярких литературных талантов. Но одновременно с ними создавались и шедевры в других областях художественного творчества (напомню имена Г. В. Свиридова, А. А. Тарковского, П. Д. Корина, М. А. Ульянова и др.). Несложно провести и зарубежные параллели. Между тем сегодня заметно снизился общественный статус науки (я имею в виду не перипетию вокруг устава РАН, а навязываемую обществом науке, по выражению Кургиняна, «конкуренцию огурцов с сорняками на огороде», то есть невиданный всплеск лженауки, претендующей на общественное признание). Но и литература в значительной своей части отошла к той «культуре блефа», о которой убедительно говорил Г. М. Бирженюк на VI Лихачевских чтениях⁴.

Столь «синхронное» сосуществование науки и искусства в духовном процессе полу-

² Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1990. С. 180, 182.

³ Мигдал А. Б. Поиски истины. М., 1983. С. 105.

⁴ См.: Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения. С. 85–86.

чит объяснение, если мы признаем научное познание и художественное постижение мира равноуровневыми и взаимодополняющими путями к истине. Причем истину в этом контексте следует понимать не как доказанное суждение, даже не как «противоположность лжи» (В. И. Даль), а как конечную цель познания — первооснову бытия, естественный порядок вещей, гегелевскую абсолютную идею, даже Бога (в философской трактовке).

Традиция такого понимания истины восходит к античности. Греческие философы отождествляли истину с добром и красотой. Поэтому с тех пор и поныне истина часто распознается через красоту. «Ты хорошо говоришь, мой Сократ», — замечает собеседник философа в одном из диалогов Платона. «Потому что говорю правду», — отвечает Сократ. Убедительность хорошей (то есть эстетически совершенной, прекрасной) речи все мы постоянно ощущаем на примере пословиц, поговорок, афоризмов. Да ведь и знаменитое «ради красного словца...» имеет те же корни: емкие, яркие, хлесткие, выразительные фразы в полемической статье ли, в публичном ли выступлении всегда убеждают больше, нежели логически безупречные, но блеклые по форме рассуждения.

На «перетекании» красоты в истину, а истины в красоту построена вся художественная словесность (притом, конечно, что красота слова в литературном произведении отнюдь не сводится к его ритмике и пластике). И вот парадокс: мы верим автору, который «завораживает» словом, даже если он неправ, и не верим в фотографически точное описание, выполненное плохим языком.

Но почему истина науки и истина, воплощенная в художественном слове, нынче существуют все-таки раздельно? Отвечать на этот вопрос следовало бы с объяснения, как и

почему на базе синкретического мышления древних исторически сформировалось научное (дискурсивное, понятийное) мышление, но это достаточно разработанная в литературе тема, обращаться к которой в кратком выступлении не имеет смысла. Нам важно подчеркнуть, что научное мышление на любом этапе своего развития охватывает лишь ограниченную и, в сопоставлении с неисчерпаемо сложным реальным миром, бесконечно малую часть (грань) реального мира. А бесконечно большую непознанную его часть мы постигаем опытным путем, накапливая (на индивидуальном и разных социальных уровнях) навык жизни. Обладание (в той или иной мере) этим навыком сообщает нам способность непосредственного видения истины.

Дискурсивное (понятийное) знание накапливается обществом в форме научных категорий, гипотез, теорий, а непосредственное знание — в образах искусства. Самые глубокие и емкие образы искусства обладают такой же непреходящей ценностью для общества, как категории и формулы наук; образы Эдипа, Фауста или пушкинское стихотворение «Я вас любил...» в этом смысле равноценны закону Архимеда или формуле $E = mc^2$.

Из сказанного можно сделать, по крайней мере, три вывода:

— во-первых, литература и искусство, относящиеся к «культуре блефа», столь же неприемлемы для общества, как и лженаука;

— во-вторых, перекраивание чиновниками от образования школьной программы в ущерб литературе недальновидно и социально безответственно;

— в-третьих, столь же недальновидна и безответственна имитация изучения литературы в школе (на основе дайджестов, «образцовых сочинений» и ЕГЭ), перекрывающая путь к истине.